

полуголых, одетых в рубище людей, с шевелюрой, похожей на лошадиный хвост, с веригами на истощенном теле, то эта характеристика все же больше подходит к аскетам и «одержимым богом» конца Римской империи, чем к *хэтоус* эллинистической эпохи, как они знакомы нам из серапейских папирусов. И в этом вопросе можно ожидать уточнения, очевидно, по мере дальнейшего изучения источников отдельных работ астрологов.

Помимо часто интересных данных о социальных отношениях и администрации эллинистического Египта, материал, сосредоточенный в работе Кюмона, наводит на размышления и относительно развития научных и религиозных идей. Астрологи, например, отмечают культ великой богини, широко распространившийся в эллинистическую эпоху и проникший в Египет. *Terminus a quo* для этого устанавливается в последней большой работе W. Otto, *Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäischen Reiches*, 1938. Распространение культа фригийской матери в Египте связано с политикой Птолемея Еввергета II и Клеопатры III, т. е. со второй половиной II в. до н. э. Сочинения астрологов указывают во многих случаях на взаимодействие египетских и греческих или римских взглядов, например в вопросе о культе мертвых, о браках между братом и сестрой и пр. В общем вторая часть, как этого и можно было ожидать по характеру материала, содержательнее и интереснее первой.

Специальный экскурс в «Приложении» посвящен вопросу об указаниях на определенные исторические факты у одного из авторов, а именно у Фирмика Матерна. Несмотря на сглаживание конкретных подробностей у позднейших астрологов, все же у них сохранились некоторые намеки на первоначальные события, послужившие основой для гороскопов. В изложении теории *monarchia* можно найти, например, указания на правление временщиков после смерти Птолемея IV Филопатора.

В целом книга Кюмона заслуживает полного внимания. Она дает много ценных наблюдений по истории египетского общества птолемеивской эпохи, широко использует в этих целях новую, обширную и своеобразную категорию исторических источников, сопоставляет данные этих источников с сообщениями других авторов. Сопоставление это, сделанное на основе глубокого знания истории общества и религии эллинистической и римской эпохи, является необходимым для каждого, интересующегося историей античного мира. Можно только пожелать, чтобы за работой Кюмона последовали другие труды, более специального характера, которые могли бы более полно осветить значение исторического материала, имеющегося у астрологов, и на основании анализа их источников уточнить датировки отдельных явлений.

К. Зельин

JULIUS JUNGE, Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. «Klio», Beiheft XLI («Neue Folge», H. 28). Leipzig, 1939. VIII + 115 стр., 2 табл.

Небольшая, но содержательная работа Юнге посвящена сакам, древнейшему из кочевых народов, населявших степи и горы Средней Азии и Казахстана, имя которого сохраниено историей. Сведения о древнем населении этих районов исключительно бедны. Они состоят из двух главных частей: немногочисленных и смутных упоминаний у античных писателей, дошедших до нас большей частью только в позднейших извлечениях и пересказах, и еще менее многочисленных, но более ясных упоминаний в надписях древнеперсидских царей и изображений на их барельефах и печатях. Для более позднего времени—начиная со II в. до н. э.—мы имеем еще относительно подробные и точные китайские известия. Весь этот материал чрезвычайно скуден, и, по откровенному замечанию Юнге, на многие важные вопросы он вообще не дает ответа. На некоторые из таких вопросов ответ может дать только начатое в последнее время археологическое изучение мест, где жили когда-то саки; на некоторые же вопросы ответов мы, может быть, не получим никогда.

Первая часть работы Юнге—главы II—V—посвящена детальному анализу античных представлений о дальнем северо-востоке. Он разбирает все сохранившиеся сообщения об этих странах и населявших их народах, начиная с упоминания киммерийцев в «Одиссее» и кончая сравнительно детальными и точными сведениями об аорсах-аланах у Марина—Птолема. Такой анализ позволяет отбросить целый ряд сообщений, как вообще не имеющих реальной основы и относящихся к области мифологии. Остальные сведения доалександровской эпохи делятся на две основные группы: принадлежащие кругу представлений понтийских греков и принадлежащие кругу представлений, которые греки получили через посредство персов. В меру возможного Юнге—продолжая, конечно, работу своих предшественников—определяет, к какому времени и кругу относится то или иное сообщение. Хорошо известно, что как античная; так и средневековая—и восточная и западная—география отличалась книжным характером и что в позднейшие сочинения включались, без всяких оговорок, сведения, относящиеся к прошедшим временам. Так, сведения Гекатея Милетского (около 500 г. до н. э.) не только составили значительную часть сведений о дальнем северо-востоке, которыми располагал Геродот, но повторяются, рядом с новыми данными, до Птолема¹. В частности, можно вполне согласиться с Юнге, что название массагетов для эллинистической эпохи является только пережитком старых представлений и что никакого иарода «массагетов» в эту эпоху уже не существовало. В этих главах Юнге задевает целый ряд других вопросов—между прочим, важных и интересных для истории европейских скифов; изложение всех их сделало бы настоящую рецензию слишком длинной.

В остальных главах—VI, VII и примыкающей к ним по содержанию главе I—Юнге делает попытку дать общий очерк истории саков. В главе I, вводной, он старается показать, что термин древнеперсидских подписей «саки», охватывавший кочевое (или полукочевое) население степей от Украины до Узбекистана, соответствовал действительному этнографическому единству. По Юнге, название «саки» относилось к племенам, говорившим на языках иранской группы, для материальной культуры их характерен «звериный стиль»; в антропологическом отношении они являются «носителями нордического элемента». Все это, однако, весьма сомнительно. Что язык восточной группы саков «сака хаумаварга» был иранским, можно считать, повидимому, доказанным. Относительно европейских скифов это подлежит большому сомнению; по крайней мере часть их говорила на языке не иранском и вообще не индоевропейском². Что касается средней группы, «сака тиграхауда» надписей, то об их языке мы не знаем ровно ничего. Из несомненного факта, что аланы, первоначально жившие на территории, к которой мы относим «сака тиграхауда», издавна говорили на языке иранском, можно предполагать, что какая-то часть «сака тиграхауда» также говорила на языках иранской группы, но распространять это предположение на всю группу нет никаких оснований. На зверином стиле я останавливаться не буду. Навряд ли можно подтвердить какими-нибудь фактами утверждение о принадлежности всех памятников этого стиля народам иранского происхождения или даже народам, говорившим на индоевропейских языках. Что касается расового типа, то автор возвращается к этому вопросу три раза: на стр. 9 сл., 37 и 72. Во всех случаях автор опирается на изображения ахеменидских памятников, которые он собирается специально рассмотреть с этой точки зрения в особой работе. И здесь, однако, автор вынужден признать наличие признаков других рас, помимо «нордической», в том числе признаков монголоидности. Он объясняет это весьма простым, но мало убедительным способом, помогающим обойти любое затруднение такого рода: смешением пришлой «нордической» расы с первоначальным населением. Все это достаточно говорит против тезиса об этническом единстве саков.

¹ Этот книжный характер античной географической литературы является причиной многих ошибок исследователей, особенно неантичников, недостаточно знакомых с огромной источниковедческой работой, проделанной за последний век. Подобные же ошибки нередко делают историки древней Руси, пользующиеся арабскими источниками и забывающие о том, что сведения, например, автора XII в. могут относиться—и большей частью относятся—не к XII, а к IX в.

² Ср. статью акад. Джавахишвили. ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 30 сл.

Можно привести еще факт, отмеченный самим Юнге: в одежде, судя по изображениям, согдийцы, хорезмийцы и «сака хаумаварга» не отличались друг от друга, тогда как «сака тиграхауда», не говоря уже о европейских скифах, имели совсем другой тип одежды. И а priori можно сомневаться в возможности того, чтобы персы VI—IV вв. до н. э. могли иметь сколько-нибудь точные сведения об этническом составе народов, так далеко от них находившихся. Своей работой Юнге, пожалуй, лучше всего показал, что саки единым народом не были никогда.

Центральной частью работы являются главы V и VI, в которых автор дает очерк истории обеих групп саков—«сака тиграхауда» и «сака хаумаварга» ахеменидских надписей. «Сака тиграхауда»—«саков в остроконечных шапках»¹—Юнге отождествляет с массагетами греческих авторов и помещает к северу и востоку от Каспийского моря. Повидимому, эта группа саков занимала приблизительно территорию современных казахов, включая восточный берег Каспийского моря и нижнюю часть бассейна Сыр-Дарьи; эту же территорию в VIII—X вв. н. э. занимали огузы, а позднее—кипчаки-половцы. Если в испорченном месте Бехистунской надписи Дария I, в котором говорится о походе против саков (Юнге его помещает между 518 и 508 гг. до н. э.), действительно речь идет о переходе через большую реку, а не море²—речь может, конечно, идти только об Аму-Дарье,—то этот проход был направлен именно на низовья Сыр-Дарьи. Юнге, опираясь на изображения, убедительно показывает, что он был направлен против «сака тиграхауда». Вопреки мнению Юнге, мне кажется, что слова недавно найденной в Хамадане надписи о «саках за Согдом» могут относиться скорее к «сака тиграхауда», чем к «сака хаумаварга».

Анализом надписей и изображений Юнге убедительно показывает, что «сака тиграхауда» были в зависимости от Ахеменидской державы и платили дань. Однако степень этой зависимости была весьма незначительна. Саки и после поражения их Дарием имели предводителя из своей собственной среды, хотя и назначенного персидским царем; сатрапа из персов или мидян, как у оседлых народов, покоренных Ахеменидами, у них не было. Дань, которую они платили, носила скорее характер даров; реальное значение имела, вероятно, не эта дань, а отряды, которые саки должны были посылать в войска персидского царя. Хотя письменные источники не сохранили нам известий о военных столкновениях персов с саками после Дария, но анализ изображений на ахеменидских победных печатях и цилиндрах позволяет сказать, что такие столкновения и с «сака тиграхауда» и «сака хаумаварга» происходили неоднократно, очевидно в результате восстаний саков против персидского владычества.

На стр. 71—82 Юнге разбирает судьбы народов, сменивших «сака тиграхауда» на той же территории,—дахов или даев в восточной части, сарматов, позднее аорсов и аланов и других в западной. Об аланах мы можем более или менее определенно сказать, что они, как и их потомки—осетины, говорили на языке иранской группы, о языке других племен мы таких сведений не имеем, и заключение Юнге об этнической общности «сарматских племен» вряд ли может быть достаточно обосновано. Самая множественность народов, сменивших прежних «сака тиграхауда», указывает на неоднородность последних.

Весьма любопытны замечания Юнге о наличии у саков, а затем у сарматов, следов «материнского права» (стр. 74, ср. стр. 8—9). Это приписывается влиянию «организованного на материнском праве субстрата»; исчезновение этого явления объясняется побе-

¹ Как доказывает Юнге, их остроконечные шапки сильно отличались от головных уборов европейских скифов.

² Если не ошибаюсь, это мнение впервые высказано В. В. Григорьевым («О скифском народе саках», СПб., 1871, стр. 13—14), работа которого Юнге неизвестна. К такому же выводу пришел последний исследователь этого места Бехистунской надписи—W. Hinz (ZDMG, 93, 1939, стр. 364—372). По чтению и толкованию Гинца, поход был направлен против «сака тиграхауда» и происходил в 518/17 гг.; в надписи идет речь о переправе через Аму-Дарью на плотках. Ср. теперь также работу F. Weissbach'a, посвященную пятому столбцу Бехистунской надписи, ZAs, N. F., B. 12, 1940, стр. 53—82. По чтению и толкованию Вейсбаха в надписи говорится о походе через Согдиану и переправе через Сыр-Дарью.

дой «патриархальной организации восточных индогерманцев». Юнге известно, что такие же следы матриархата имеются и у других народов, в том числе и у древних германцев; но единственный возможный вывод—об аналогичном пути развития этих народов—он сделать не может. Вообще строго критическое отношение к показаниям источников, осторожность в гипотезах, ясность и отчетливость доказательств, которые мы находим у Юнге при изложении фактов политической истории, исчезают сейчас же, как только он затрогивает факты истории социальной. Здесь у него, как, впрочем, у многих других современных западноевропейских историков, оказываются возможными любые необоснованные гипотезы, которые при этом излагаются как доказанные и бесспорные факты. Сравни, например, голословное утверждение (стр. 89—90 и 94), что в Согдиане «сидело много западноиранских феодалов», к которым причисляется Спитамен; это противоречит всему ходу событий во время македонского завоевания. Не приходится говорить уже о широко распространенной в новейшей западноевропейской научной литературе трактовке ахеменидского Ирана как феодального: этого не считают даже нужным доказывать.

Вторую группу саков—«сака хаумаварга» ахеменидских надписей, «амиргиевских саков» греческих авторов,—Юнге, повидимому справедливо, помещает к юго-востоку от «сака тиграхауда», в Фергане и смежных с ней горных областях; судя по относящимся к более позднему времени китайским данным, они занимали также часть восточного Туркестана. Эта группа саков, включенная в состав ахеменидских владений очень рано—вероятно, еще при Кире Старшем,—всегда была на правах скорее союзников, чем подданных персидского царя: «сака хаумаварга» не платили дани, а только должны были поставлять вспомогательные отряды.

Разбирая дальнейшую судьбу этой группы саков, Юнге весьма убедительно доказывает тождественность названий «сака хаумаварга»—«амиргиевских саков», с одной стороны, «сакарауков» позднейших греческих авторов и «сай-юань» китайских источников—с другой. Юнге считает «хаумаварга»—«изготавливающие хаому (напиток)»—только этимологизацией какого-то этнического самоназвания саков, которое греки позднее передавали как «раук». И самое название «саков»—в китайской передаче «сэ»,—повидимому, первоначально принадлежало именно этой группе, с которой персы ознакомились ранее других. То же название эта группа принесла с собой в Индию.

Новую¹ точку зрения высказывает Юнге по поводу участия саков (сакарауков) в тохарском завоевании Греко-бактрийского царства. Он считает², что переселение саков в Индию, как это и показывают китайские источники, шло через горные проходы Тянь-Шаня и восточный Туркестан непосредственно в Кашмир. Это подтверждается остроумным анализом хронологии монет первых сакских царей в Индии, позволяющим установить одновременность появления там саков и ухода их из Ферганы. Эта точка зрения, повидимому, может быть принята. Но вряд ли можно согласиться с отрицанием вообще участия саков в движении тохаров. Прежде всего, совершенно невозможно допустить уход сколько-нибудь значительного народа через горы Тянь-Шаня. Далее, в рассказе Чжан-цзяня, приводимом самим Юнге, говорится об остатках саков, продолжавших жить на старых местах уже под властью юэ-чжи. Тем более вероятно, что юэ-чжи=тохары должны были увлечь с собой часть саков, как это прямо и говорят греческие авторы. Остроумные конъектуры Юнге навряд ли могут это опровергнуть. Кроме того, если принять его точку зрения, окажется совершенно неразрешимым вопрос: почему древняя Дрангиана принимает, по крайней мере с I в. до н. э., название «страны саков» (Сакастана, совр. Сеистаи).

В целом работа Юнге заслуживает внимания со стороны всех интересующихся древней историей Средней Азии и смежных стран.

С. Волин

¹ Однако довольно близко к ней подходил уже В. В. Григорьев.

² Опираясь в значительной мере на исследование Галуна о тохарах—юэ-чжи (ZDMG, 91, 1937, стр. 243—318), которое заслуживает особого рассмотрения в связи со всей новой литературой вопроса о тохарах. Относящиеся к переселению саков в Индию китайские тексты приведены в работе Юнге (стр. 96) также в переводе Галуна.